

Гендерный вопрос в Тунисе: от политики к практике

© Кашина А.А.^a, 2022

^a Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8696-936X; kash_anechka@mail.ru

Резюме. В вопросе гендерного равенства Тунис остается образцом для других арабских стран. Хотя после «арабской весны» проблема места женщины снова встала на повестку дня при доминировании на политической сцене умеренных исламистов движения «Ан-Нахда», новое законодательство и конституция 2014 г. закрепили светские основы государства и приблизили Тунис к европейским стандартам в области гарантии прав женщин. Тунисские женские организации приобрели свободу действий («демократический феминизм»), новым трендом стало зарождение «исламского феминизма».

В стремлении к паритету полов Тунис наибольшего прогресса добился в сфере образования, в то время как на рынке труда проявлялись признаки половой дискриминации. В области политического участия женщин прослеживались позитивные изменения с учетом растущей доли женщин среди депутатов парламента и министров правительства. Анализ позиции депутатов по отношению к закону о гендерном равенстве наследования продемонстрировал неготовность общества принять такое гендерное равенство, которое будет, по мнению большинства, противоречить религиозным нормам. Иными словами, несмотря на широкую законодательную основу, гарантирующую права женщин, в массовом сознании тунисцев сохранялся комплекс норм, порожденных исламскими традицией и стереотипами. Отсюда проистекало расхождение между законодательными нормами конституции, а также принятыми международными обязательствами, с одной стороны, и реальным положением дел - с другой. В этой связи не вызывает удивления то, что, находясь в первых строчках региональных рейтингов, Тунис отстает в сокращении гендерного разрыва на глобальном уровне.

Ключевые слова. Тунис, феминизм, гендерное равенство, политический ислам, «арабская весна»

Для цитирования: Кашина А.А. Гендерный вопрос в Тунисе: от политики к практике. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 69-76. DOI: 10.31857/S032150750015833-8

Gender Issue in Tunisia: from Politics to Practice

© Anna A. Kashina^a, 2022

^a Diplomatic academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8696-936X; kash_anechka@mail.ru

Abstract. On the problem of gender equality, Tunisia remains a model for other Arab countries. Although since 2011 the issue of women's place has once again been on the agenda considering the dominance in the political scene of moderate Islamists of the Ennahda movement, heated debates between modernists and Islamists over new constitution and legislation framework brought Tunisia closer to world standards of gender equality. After the Revolution for Dignity and Freedom in Tunisia the feminist movement, which was born in the late 1930s, became more active and began declaring its activities as democratic feminism. Besides that, a new trend established itself as Islamic feminism. The analyses of statistical material revealed that most prominent achievements in concern of gender equality Tunisia gained in educational field with almost parity of male and female enrollment. On the other hand, discrimination in labour market gives cause for concern. As for political participation of women, it is still under desired level, but the dynamics is rather hopeful. The investigation of parliamentarians' stances towards a proposed in 2017 bill requiring gender inheritance equality, shew that Tunisian society is still not ready to accept absolute gender equality because in some matters like inheritance it tends to hang upon religious norms and traditions. Thus, stereotypes and traditional perception of gender based on Islam remain a stumbling rock on the way to gender balance in society. Another corresponding problem is discrepancy in provisions of family law and undertaken international commitments dealing with narrowing gender gap. So, it's predictable that while being in the top pf international ratings at the regional level Tunisia's indicators measuring gender equality are rather moderate on the global scale.

Keywords: Tunisia, feminism, gender equality, political Islam, Arab spring

For citation: Kashina A.A. Gender issue in Tunisia: From politics to practice. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 69-76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015833-8

ВВЕДЕНИЕ

Опыт Туниса как исламской страны, где мужчины и женщины уже более полувека обладают практически равными юридическими правами, уникален. В 1956 г. на заре независимости в республике появился Закон о личном статусе, по которому тунисские женщины получили право на образование, работу, самостоятельное вступление в брак. Гендерное равенство в Тунисе с тех пор укреплялось, но «арабская весна» и приход к власти после 2011 г. исламистов вновь вынесли на повестку вопрос о месте женщины в обществе. По улицам столицы замелькали красавицы в хиджабах и парандже, пожалуй, впервые за 50 лет. Однако

кризис поиска идентичности в переломный момент не разрешался триумфом традиционных ценностей. В 2018 г. пост мэра столицы впервые достался не мужчине, а женщине - Суад Абдеррахим, причем депутату от партии исламистов. А в 2021 г. Наджда Боден Ромдан стала первой в истории арабских стран женщиной-премьером.

Однако насколько далеко тунисское общество готово продвинуться в фокусе гендерного баланса?

За основу в работе принят концептуальный подход социолога Муниры Шаррад, которая представляет гендерный фактор в Тунисе как объект постоянной политизации: «...изменения в государственной политике в отношении прав женщин были производным от борьбы между общественно-политическими группами за государственную власть», которая «относилась к правовому статусу женщин в зависимости от того, пыталась ли покончить с колониализмом, дать отпор угрозам, стоящим на пути секуляризации, пойти на уступки исламским фундаменталистам или наоборот им противостоять» [1, р. 285].

Цель настоящей работы - рассмотреть становление женского движения в Тунисе и развитие законодательства в отношении гендерного равенства, определить степень экономического и общественно-политического участия женщин на основе статистических данных, а затем с опорой на качественные и количественные методы и «концепцию репрезентации» Х.Ф.Питкин¹ [2]; проанализировать позицию парламентариев относительно закона о гендерном равенстве наследования; дать оценку восприятию проблемы женской эмансипации в тунисском обществе.

СТАНОВЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУНИСЕ

Первые женские общества в Тунисе зародились в 1930-х гг. Тогда «в моду» вошла книга тунисского философа Тахара Хаддада «Наша женщина в шариате и обществе» (1930 г.), объяснявшего приниженное положение арабской женщины искаженным пониманием религиозных законов, которые, по мысли философа, должны быть нерушимыми и вечными. Но лишь те, что не противоречат изменяющимся условиям действительности и «не вредят исламу», в частности, такие вопросы, как «обращение с рабами и рабынями, многоженство и тому подобные не могут рассматриваться как часть ислама» [4, с. 6]. Многоженство тунисский мыслитель считал пережитком доисламской эпохи - с ним уже во времена Пророка якобы начали бороться, поэтому в аяте 3 суры Корана «Женщины», по мнению Хаддада, речь идет о предостережении не жениться больше, чем на одной, ибо невозможно быть одинаково справедливым к двум, трем или четырем женам одновременно.

Будучи сторонником иджтихада², Хаддад полагал, что и постулат о большей доле наследства для мужчины, чем для женщины, можно легко скорректировать в пользу уравнивания долей, опираясь на принцип о свободе управления имуществом и распоряжения состоянием, изложенный в аяте 32-й же суры Корана.

В 1932 г. из-за обильных дождей и затоплений случился неурожай, и на помощь оставшимся без средств к существованию пришло образовавшееся по такому случаю благотворительное «Общество мусульманских женщин». Оно сумело при помощи жены тогдашнего генерального резидента Франсуа Монсерона и дочери видного тунисского политика Бешира Сфара провести серию открытых вечеров и собрать средства для пострадавших [4, с. 268]. И, помимо прочего, развернуло кампанию в защиту прогрессивных тунисок, не желавших носить мусульманский платок, и весьма успешно и наглядно отстаивало право женщин на участие в общественной жизни.

Так был заложен первый камень тунисского движения феминисток. Подобные культурно-благотворительные вечера полюбили публике: на них приходили послушать занимательные и довольно убедительные речи о том, как правильно трактовать религиозные нормы и как женщины обязаны нести пользу общественному развитию. В 1936 г. был основан первый тунисский журнал о женщинах - «*Лейла*».

Весной 1938 г., 8 апреля, пионер женского движения Бшира Бен Мрад организовала первую политическую демонстрацию, где около сотни тунисок протестовали в столице у штаб-квартиры генерального резидента против колониальных репрессий. В антиколониальной борьбе женщины сумели доказать свою решительность, и даже бывшие противники женской эмансипации переходили на их сторону, оказывая поддержку женским союзам. Список женских обществ пополнялся новыми названиями - «Союз мусульманских женщин Туниса», «Секция женской ассоциации арабской молодежи», «Клуб тунисских девушек» и «Союз женщин Туниса» и др.

С получением независимости от Франции в 1956 г. расширение прав женщины стало важной частью государственной политики. Было сформировано министерство по делам женщины и семьи, а все женские движения были включены в состав Национального союза тунисских женщин. Так они фактически попали под пол-

¹ Ханна Фенихель Питкин (р. 1931) - феминистка, американский политолог, заслуженный профессор Калифорнийского университета в Беркли (*прим. ред.*).

² Иджтихад («большое старание») - практика пересмотра авторитетным богословом принципов ислама с позиции современной жизни на основании источников мусульманского права (*прим. авт.*).

ный контроль правительства и до самого 2011 г. вынуждены были оставаться в «узких рамках» [6, pp. 307-320]. Эта политика получила название «государственный феминизм» [7] или «институциональный феминизм» [8]. Между тем, в качестве «независимых» организаций были основаны в 1982 г. «Ассоциация тунисских женщин демократок» (ATFD) и в 1989 г. - «Ассоциация тунисских женщин для исследования и развития» (AFTURD). Обе особенно проявили себя уже после «Революции свободы и достоинства» 2011 г., декларируя свою деятельность как «демократический феминизм» [9, p. 23].

С падением режима Бен Али 14 января 2011 г. женское движение в Тунисе вышло на новый уровень, преодолев свою элитарность. Женские организации привлекли финансирование и создавали разветвленную сеть региональных подразделений. Усилилась активность женщин в партийных структурах и неправительственных организациях, женские движения смогли вести по-настоящему серьезную, порой оппозиционную работу.

Довольно интересным и новым явлением для Туниса постреволюционного периода стал дискурс «исламского феминизма», который воплотился в общественной деятельности мусульманок из происламского движения «Ан-Нахда». Они выступали за социальные гарантии, справедливость и права для женщин не с позиции традиционной для феминисток либеральной парадигмы, но религиозной, а в 2011 г. учредили свою женскую организацию - «Союз свободных женщин».

В качестве актуальных проблем тунисских феминисток можно выделить их структурную и идейную разобщенность, что не дает возможности говорить об окончательном формировании в Тунисе целостного женского движения, у которого бы была ясная повестка [10, p. 7]. Остро стоит вопрос о преемственности поколений в рамках женских организаций, поскольку в подавляющем большинстве их формируются те, кому за 50, а не «революционная молодежь» [11].

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ЭКОНОМИКЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

По Индексу гендерного разрыва, согласно данным Всемирного экономического форума, Тунис в 2021 г. занимал 126-е место из 156 стран мира и 3-е по региону после Израиля и ОАЭ [12], что, учитывая общий социально-экономический климат в североафриканской стране, очень неплохо. Причем в 2018 г. Тунис даже поднимался в региональном рейтинге на вторую строчку, занимая тогда в общем рейтинге 119-е место из 149.

Материалы доклада подтвердили, что самых заметных побед тунисские женщины добились в сфере образования. В высшей школе численность девушек почти вдвое превышала численности юношей в 2018/2019 учебном году: 154 тыс. студенток против 80 тыс. студентов [13, p. 60]. Притом школьницы и студентки, в среднем, обычно успешнее осваивали все области знаний, за исключением технических [14, p. 33]. Вероятно, уже на этом этапе девушки становятся заложницами предрассудков и редко посвящают себя инженерным специальностям или фундаментальным наукам. Они предпочитают сферу услуг, гуманитарные науки или медицину. Среди выпускниц лишь около 29% получают диплом инженерной направленности. Среди профессорско-преподавательского состава в 2012/2013 уч. г. у женщин было только 17% [14, p. 85].

Что касается рынка труда, то здесь гендерный разрыв куда заметнее. Дискриминация рельефно выделяется по критерию занятости на высокооплачиваемых, а также высших управляющих постах, где женщин крайне мало, потому что 85% таких должностей достается мужчинам. У женщин сохраняется большой потенциал для выхода на рынок труда, ведь они составляют лишь 28% рабочих рук [16, p. 20]. И если в Тунисе уровень занятости мужчин (75,5% в 2021 г.) соотносился с аналогичным среднемировым показателем (76,1% [17]), то для женщин этот индикатор (28,1% в 2021 г.) был хотя и выше среднего по арабским странам (21,2%), но заметно ниже среднемирового (50%).

В 1990-е гг. российская востоковед Н.И.Ворончанина обращала внимание, что европейская концепция женской эмансипации не подходит для арабских стран, т.к. подразумевает включение женщины в сферу общественно-полезного труда без учета ситуации, когда на этом рынке «армия безработных мужчин» [18, с. 117]. В отношении Туниса это справедливо и поныне. В 2015 г. уровень безработицы среди мужчин достигал 12,4%, а среди женщин - 22,2%, в 2018 г. это соотношение практически не изменилось: 12,5% против 22,7% [13, p. 109]. Причем официальная статистика принимает в расчет лишь зарегистрированных на бирже труда, но реально ищущих работу больше.

Эти данные могут косвенно свидетельствовать о дискриминации при приеме на работу. «Составляя не более четверти рабочей силы, женщины становятся первыми жертвами кризисов», - пишет тунисский социолог М.Бен Рамдан, указывая, что во время мирового финансового кризиса 2009 г. все 43 тыс. вновь созданных рабочих мест были распределены среди мужчин, а еще 11 тыс. мужчин получили работу в результате увольнения с нее женщин [19, pp. 175-176].

Между тем, вовлеченность женщин в тунисский рынок труда имеет в последние 40 лет пусть не слишком быструю, но устойчивую тенденцию роста. Это - прямое следствие законодательных мер, принятых

тунисскими властями в 1990-е гг. Речь идет, прежде всего, о поправках в Закон о личном статусе, внесенных в 1993 г. В частности, в ст. 23 документа формулировка о том, что «женщина должна слушаться во всем своего мужа как главу семьи» была заменена на «женщина обязана вносить вклад в семейный бюджет, если она имеет финансовую возможность». Занимавший тогда пост министра юстиции Садок Шаабан прокомментировал это как «новый, чрезвычайно важный принцип взаимопомощи супругов» [20].

Кроме того, в 1996 г. в Трудовой кодекс (принят в 1966 г.) была добавлена ст. 5, запрещающая трудовую дискриминацию по половому признаку, а из ст. 135 была изъята формулировка касательно специальной «заработной платы для женщины». Закон № 58 от 11 августа 2017 г. о запрете дискриминации против женщин закрепляет принцип равного отношения к гендерам и запрещает «экономическую» и «финансовую» дискриминацию в отношении женщин, в т.ч. ущемление в оплате труда, условиях работы или карьерном росте (ст. 19).

Для защиты своих трудовых прав в 1984 г. в рамках Всеобщего союза тунисских трудящихся (ВСТТ, главный профцентр, членами которого являются свыше 650 тыс. тунисцев) сформировался Комитет женщин-работчих, ставший в 2000 г. составной частью ВСТТ по уставу этой организации. Руководитель комитета участвует в качестве наблюдателя в Национальном управляющем совете ВСТТ. При этом доля женщин в профсоюзе превышает 45%, однако, по данным 2013 г., в его руководстве она составляла не более 5% [15, р. 49].

Избрание в исполком ВСТТ в качестве заместителя председателя в 2017 г. женщины - активистки левых взглядов Наимы аль-Хамаи, впервые за 72 года истории ВСТТ, можно считать по праву значимым событием. Более того, в 2017 г. ВСТТ установил квоту для обязательного включения в состав руководящих органов профсоюза на всех уровнях не менее двух женщин³, а кроме того, провел при поддержке Международной организации труда агитационную кампанию для привлечения новых членов из числа женщин. Результатом стало вступление в профсоюз 13 тыс. новых участниц [21, р. 96].

По уровню женского политического участия Тунис уступает лишь одной арабской стране - ОАЭ, судя по данным Доклада о гендерном разрыве в мире за 2021 г., где, в частности, оценивается гендерное соотношение в парламенте и кабинете министров. В этих государственных структурах Туниса численность женщин редко превышала 30%.

В 1994 г. женщины составляли лишь 7% от общего числа депутатов, избранных в парламент Туниса, что было выше среднего показателя по региону. По итогам парламентских выборов 2009 г., женщины получили уже 27,6% мест (59 из 214), что больше, чем в парламенте предыдущего состава (22,8%). В переходный орган - Национальное учредительное собрание (2011-2014 гг.) вошли сначала 49 женщин (23% мест из 217), но затем их состав расширился. В парламенте 2014 г. созыва доля женщин выросла до 31% (68 мест из 216), за что Тунису была присвоена премия Форума женщин-парламентариев за 2015 г. В парламенте созыва 2019 г. было меньше женщин, чем в предыдущем, большинство из парламентариев оказались депутатами от исламистов.

Что касается состава кабинета министров, то до 2011 г. женщины возглавляли одно-два министерства. Например, в 1984 г. - здравоохранения, в 1999 г. - природных ресурсов, в правительстве 2014 г. под начало женщин перешли министерство туризма и министерство торговли и промышленности. В последующих правительствах количество женщин-министров возрастало, они управляли министерством финансов (2016 г.), энергетики (2016 г.), юстиции (2020 г.) и др. В октябре 2021 г. впервые в истории арабских стран пост премьер-министра заняла женщина - Наджда Боден Ромдан, а всего в ее кабинете министров женщинам досталось 8 министерских портфелей (финансов, юстиции, промышленности и торговли и др.).

Законодательство, касающееся прав женского политического участия, формировалось в течение довольно длительного времени. В июне 1956 г. вышел Закон о выборах в муниципальные советы, наделивший женщин избирательным правом. Вслед за этим конституция 1959 г. закрепила равное право мужчин и женщин избирать и быть избранными. В ст. 21 конституции 2014 г. говорится о равных правах и обязанностях граждан, мужчин и женщин, их равенстве перед законом, равных возможностях и праве на достойную жизнь, а также запрете на дискриминацию, а в ст. 46 - о равных возможностях участия в государственных органах власти. Усилить присутствие женщин на уровне муниципалитетов и партийных структур удалось также благодаря Закону № 16 о проведении выборов и референдумов от 26 мая 2014 г.

Что касается международных обязательств, в 1968 г. Тунис подписал Конвенцию о политических правах женщины 1952 г., в 1969 г. присоединился к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. Тунис в полном объеме принял положения международной Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. (CEDAW), которую первоначально ратифицировал в 1985 г. с многочисленными оговорками. В 2018 г. Тунис подписал «Протокол Мапуту»⁴. Участие в подбо-

³ Предусмотрено, что на исполнение этого обязательства отводится срок продолжительностью 4 года (*прим. авт.*).

⁴ «Протокол Мапуту» о правах женщин в Африке был принят Африканским Союзом в Мапуту (Мозамбик) в 2003 г. в качестве дополнительного протокола к Африканской хартии прав человека и народов (принята в 1981 г., действует с 1986 г.). К 2022 г. документ подписан 42 государствами (*прим. авт.*).

ных международных пактах является важным фактом в силу того, что ст. 20 Конституции 2014 г. гласит о приоритете международного права над местным.

Женщины были вовлечены почти во все важные события, происходившие после «арабской весны». В 2011 г. в президиум Высшей независимой инстанции по выборам (*ISIE*, Центризбирком) 2011 г. вошла Суад ат-Трики (затем ее сменила Хасна Бен Слиман), женщины баллотировались в качестве депутатов и работали наблюдателями на всех местных и общенациональных парламентских выборах.

Вместе с тем, в Тунисе женщина-политик или руководитель - это, скорее, исключение, чем правило. Из ярких, еще не упомянутых примеров, - председатель Тунисской конфедерации промышленности, торговли и ремесел Видад Бушамауи (в 2011-2018 гг.), лидер «Свободной конституционной партии» и депутат Абир Муси, глава «Прогрессивной демократической партии» Майя Джриби (скончалась в 2018 г.). Однако этих героинь можно пересчитать по пальцам. Как и большинство женщин в мире, они должны выбирать между семьей и работой в условиях дефицита социальных структур, помогающих женщинам посвятить себя карьере.

ЗАКОН О ЛИЧНОМ СТАТУСЕ 1956 Г. - НЕ ПОРА ЛИ ЕГО МЕНЯТЬ?

В рамках общего пересмотра законодательной базы в Тунисе после «Революции свободы и достоинства»⁵ 2011 г. и в свете доминирования тогда на политической арене исламистов движения «Ан-Нахда» возникло опасение о вероятном восстановлении шариата. Хорошая иллюстрация к сложившемуся положению - жаркое обсуждение ст. 28 проекта новой конституции, когда исламисты настаивали на формулировке о «взаимодополняемости», а не «равенстве полов». Однако вопреки их нажиму тунисская конституция 2014 г. закрепила «гражданский характер государства» и «верховенство права», статус ислама как государственной религии в ней остался, но без упоминания в качестве официального источника права. Не затронули изменения и Закон о личном статусе (гражданский кодекс). Более того, депутаты от исламистов проголосовали в Национальном учредительном собрании 6 декабря 2011 г. за придание этому закону статуса конституционного, т.е. парламент не может принять решение о внесении в него поправок простым большинством голосов.

Дело в том, что хотя формулировки Закона о личном статусе, введенного декретом от 13 августа 1956 г., были «европейские» по форме, они, по содержанию, основывались на шариате и де-юре не отменяли шариат. В этом состояло главное новаторство первого президента Туниса Хабиба Бургибы, которого по праву называют «освободителем тунисских женщин» - ведь принятие Закона о личном статусе «в одночасье приблизило семейное и общественное положение тунисской женщины к тому, что представительницы слабого пола уже завоевали, но за длительный период в странах Запада» [22, с. 6]. Тем не менее, будучи смелым реформатором, Х.Бургиба не мог изменять предписанное непосредственно в Коране правило наследования: для женщины половина доли мужчины. Неожиданно к этому вопросу вернулись через несколько лет после т.н. арабской весны.

В июне 2018 г. группа специалистов при администрации тогдашнего президента Беджи Каида ас-Себси - Тунисский комитет личных свобод и равенства (*COLIBE*) - разработала и вынесла на рассмотрение парламента серию реформ, изложенных в документе на 233 листах. Вторая часть документа концентрировалась на гендерном равенстве, и среди прочего предлагала упразднить «*махр*» (выкуп при замужестве), запретить притеснение сексуальных меньшинств, а также полностью уравнивать в правах на наследство мужчин и женщин. Вероятно, Б.Каиду ас-Себси, политику эпохи Х.Бургибы, чьим ревностным поклонником он был на протяжении всей жизни, очень хотелось завершить начатое его кумиром. Однако то ли авторитета Б.Каида ас-Себси не хватило, то ли неудачно был выбран момент, но общество было взбудоражено новой инициативой.

Быстро принять законопроект не удалось - обсуждения затянулись. Отношение к нему стало одним из политических маркеров, который разделил тунисское общество на сторонников ориентации на западные ценности и приверженцев традиционного пути развития. Тем временем накал дебатов приближался к точке невозврата, а кризис после вероятного принятия этого закона можно было бы сравнить лишь с кризисом 2013 г. - тогда после политических убийств, в причастности к которым обвиняли исламистов «Ан-Нахды», Тунис фактически оказался над пропастью гражданской войны.

Между тем, «новой революции» в Тунисе не случилось - законопроект так и не увидел свет. В декабре 2018 г. он был передан на обсуждение в парламент и рассматривался в нескольких чтениях, но через полгода, с кончиной президента Б.Каида ас-Себси 25 июля 2019 г., сыграл в долгий ящик. «Законопроект о ра-

⁵ «Революция свободы и достоинства» («Революция достоинства», «(Вторая) Жасминовая революция») началась в Тунисе массовыми протестами 17 декабря 2010 г. и привела к свержению 14 января 2011 г. режима Зина аль-Абидина Бен Али. В 2021 г. тунисское правительство утвердило название «Революция свободы и достоинства 17 декабря 2010 г. - 14 января 2011 г.» и учредило официальный нерабочий день - 17 декабря (*прим. авт.*).

венстве полов при наследовании кажется невозможным теперь, без Б.Каида ас-Сибси», - признавался в августе 2019 г. депутат Рияд Бен Фадель [23].

Значимость демократической инициативы Б.Каида ас-Сибси трудно переоценить: она выявила отношение общества к вопросу гендерного равенства - необходимому элементу демократического перехода. Более того, вопрос о равенстве наследования составил едва ли не обязательную часть предвыборной программы партий на президентско-парламентских выборах 2019 г., а затем был поставлен на голосование в парламенте, что предоставило возможность изучить позицию депутатов и получить «миниатюрную карту» отношения тунисского общества к вопросу равенства наследования, а следовательно, идеи абсолютного гендерного баланса. С этой целью было принято допущение, что в условиях относительно демократических выборов и довольно высокой явки тунисский парламент формируют политические силы, транслирующие позиции всего общества. Тогда можно экстраполировать соотношение позиций депутатов, поддержавших или отвергших законопроект о равенстве наследования, на соотношение этих предпочтений в обществе.

Результат этого качественно-количественного анализа по материалам международных СМИ⁶ выявил следующую картину: 154 депутата парламента не поддержали идеи введения поправки о равенстве наследования, 50 - высказались «за» и еще 13 не озвучили свою позицию публично. Примечательно, что еще в ходе предвыборной кампании депутаты некоторых партий демонстрировали бескомпромиссность по вопросу равенства наследования для привлечения электората, а другие, наоборот, уклонялись от четких дефиниций, оставляя право выбора за народом. Скрывать свое мнение, как правило, предпочитали независимые кандидаты и депутаты партий, где не наблюдалось консенсуса. Но даже если учесть эту группу поддержавшихся при голосовании в парламенте в числе поддержавших законопроект, перевес все равно останется на стороне противников.

Какими мотивами руководствовались противники и сторонники законопроекта? Петицию, отвергающую гендерное равенство в наследовании имущества на основании иджтихада, подписал ряд националистических партий - «Движение свободных юнионистов Туниса», «Движение аль-Мурабитун», «Народный блок за Тунис», партия «аль-Гад», «Народное течение» и др. Националисты обращали внимание на то, что, согласно конституции 2014 г., государственной религией в Тунисе является ислам, и поэтому нормы, напрямую противоречащие исламу, не могут иметь силу закона.

Восприятие государства и религии как единого неделимого целого присуще не только националистам. Противниками пакета новых светских реформ выступили, конечно, исламисты движения «Ан-Нахда». Хотя поначалу движение не отвергло проект закона, в итоге же довольно ясно дало понять, что в парламенте за него не проголосует.

От лица занявшей второе место в парламенте созыва 2019 г. центристской партии «Сердце Туниса» ее лидер Набиль Карви одобрил все предложенные либеральные инициативы за исключением равенства в наследовании: оно, по его словам, скорее всего «разделит тунисское общество». Зато «Демократическое течение» не только поддержало принцип равного наследования, но и предложило вынести вопрос на референдум, «учитывая болезненность восприятия вопроса в обществе и во избежание общественного раскола». В свою очередь, председатель либеральной «Свободной конституционной партии» Абир Муси раскритиковала законопроект по причине расплывчатых формулировок, которые вместо того, чтобы жестко закрепить принцип равного распределения имущества между наследниками, не исключают традиционного способа раздела.

Между тем, светские круги - главным образом, либералы и левые - казались настроенными довести путь светских реформ до логического конца. Вопрос о равенстве наследования они рассматривали в свете точного воплощения конституционного принципа равенства граждан, и именно в таком качестве он занял важное место в агитационных программах партий «Нидаа Тунис», «аль-Масар», «Народный фронт», движения «Машруа».

Реакция общественных организаций была, вероятно, предсказуемой: традиционные, консервативные и происламские организации полемизировали с либеральными, правозащитными, про-демократическими организациями-оппонентами. На защиту исламских основ встали шейхи мечети аз-Зейтуна и Ассоциации защиты Корана. Более того, идея равенства наследования попала в фокус обсуждения далеко за пределы Туниса. В Египте шейхи аль-Азхара, не желая опасного прецедента, тут же отметили, что законопроект противоречит шариату и неприкрыто нарушает нормы, установленные в Коране.

Удивительно, что самый влиятельный в стране профсоюз ВСТТ также критически отнёсся к законопроекту: якобы законопроект появился «не своевременно». В то же время ВСТТ не опубликовал разъяснения официальной позиции, поскольку в рядах профцентра нашлось как немало противников, так и сторонники абсолютного гендерного равенства, в т.ч. в лице заместителя главы ВСТТ - д-ра Сами ат-Тахри.

⁶ Более 20 СМИ, в т.ч. *Al-Jazeera, BBC, CNN Arabic, Alhurra, France 24, Orient XXI, Tunis Ultra, Shems FM, Mosaique FM, Watania News, Independent Arabia* и др. (прим. авт.).

Таким образом, невзирая на то, что Тунис является участником множества международных пактов и конвенций, запрещающих дискриминацию, общество все же оказалось не готово принять его в абсолютной форме. Политические партии использовали риторику в пользу повышения социального статуса женщины, порой, лишь в электоральных целях. Реальные причины сохраняющегося положения, видимо, социально-психологические и состоят в патриархальном укладе и традиционном мышлении в отношении семейных устоев, апеллирующем к религиозным нормам. Иными словами, вопреки прогрессивной законодательной базе, гарантирующей гендерное равенство, в тунисском обществе не произошло качественной культурной трансформации, которая могла бы реально ликвидировать дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После 2011 г. тунисские женские организации приобрели свободу действий (этап «демократического феминизма»), однако их идейная разобщенность остается существенной проблемой. Интересным трендом представляется зарождение в постреволюционном Тунисе «исламского феминизма».

В стремлении к паритету полов наибольшего прогресса Тунису удалось добиться в сфере образования. На рынке труда проявлялись признаки половой дискриминации, вызывая озабоченность высокий уровень безработицы среди женщин. В то же время при экстраполяции существующих тенденций на отдаленную перспективу можно ожидать равного распределения трудовых ресурсов по половому критерию. Проблема женского политического участия стала действительно актуальной в течение последних 10 лет. В этой области прослеживались позитивные изменения с учетом растущей доли женщин среди депутатов парламента и министров правительства.

Несмотря на широкую законодательную основу, гарантирующую права женщин, в массовом сознании тунисцев сохранялся комплекс норм, порожденных исламским правом, стереотипами и традицией. Отсюда проистекало расхождение между законодательными нормами конституции, а также принятыми международными обязательствами («Прокол Мапуту» не допускает дискриминации при наследовании имущества), с одной стороны, и реальным положением дел - с другой. Анализ позиции депутатов по отношению к поправке о гендерном равенстве наследования имущества продемонстрировал неготовность общества принять такое гендерное равенство, которое будет, по мнению большинства, противоречить религиозным нормам.

Для улучшения ситуации в Тунисе, который в рамках Повестки дня Африканского Союза на период до 2063 г. пока лишь на 40% выполнил ее 17-ю цель - «Полное гендерное равенство во всех областях»⁷. Необходимо, на наш взгляд, создавать социальные структуры, которые помогут увеличению доли женщин в рабочей силе, проводить разъяснительные информационные кампании в духе реформаторского ислама и усилить контроль за выполнением установленного антидискриминационного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Charrad M.M. 1997. Policy shifts: state, Islam, and gender in Tunisia, 1930s-1990s. *Social Politics*, 4(2). Pp. 284-317.
2. Pitkin H.F. 1967. *The concept of representation*. Berkley: University of California Press.
3. Амин К. Новая женщина. Пер. со 2-го араб. изд. и предисл. И.Ю. Крачковского. СПб: Типография В.Ф. Киришбаум (отд.), 1912.
Amin K. 1912. *New woman*. Translated by Krachkovsky I.Y. SPb. (In Russ.)
4. Ḥālid A. View from Tunisia on Tāhir al-Haddād and the fight of generation. Tūnis: al-Dār al-Tūnisīyāʿ lil-Naṣr, 1985. (In Arab.)
5. Мягкова М.И. Эмансипация в Тунисе. Феномен арабского мира. *Азия и Африка сегодня*. 2010, № 7, с. 51-53.
Myagkova M.I. 2010. *Emancipation in Tunisia. The phenomenon of the Arab World*. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 51-53. (In Russ.)
6. Brand L.A. 1998. *Women, the state, and political liberalization: Middle Eastern and North African experience*. New York: Columbia University Press.
7. Bessis S. 1999. Le féminisme institutionnel en Tunisie: Ben Ali et la question féminine. *Clio. Femmes, Genre, Histoire*, № 9, <http://journals.openedition.org/clio/286>. DOI: 10.4000/clio.286 (accessed 03.07.2021)
8. Murphy E.C. 2003. *Women in Tunisia: Between State Feminism and Economic Reform*. Doumato E.A., Posusney M.P. (Eds.). *Women and Globalization in the Arab Middle East*. Boulder and London: Lynne Rienner Publishers.
9. Daniele G. 2014. Tunisian Women's Activism after the January 14 Revolution: Looking within and towards the Other Side of the Mediterranean. *Journal of International Women's Studies*. 15(2). Pp. 16-32. <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol15/iss2/2> (accessed 03.07.2021)
10. Marzouki I. 1999. *Femmes d'ordre ou désordre de femmes? Tunis: Noir sur Blanc*.

⁷ First continental report on the implementation of Agenda 2063. 2020. AU, NEPAD. P. 85. <https://library.unccd.int/Details/fullCatalogue/1412> (accessed 13.07.2021)

11. Raqiq M. Metamorphoses of women's movement in light of democratic transition (2010-2020). Round table, 10.03.2021, CAREP. <https://www.facebook.com/100009219310088/videos/2875428066107809/> (accessed 12.07.2021)
12. Global Gender Gap Report 2021. World Economic Forum, 2021. <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (accessed 03.07.2021)
13. Annuaire Statistique de la Tunisie 2014-2018. Tunis: INS, 2019. <http://www.ins.tn/publication/annuaire-statistique-de-la-tunisie-2014-2018> (accessed 10.07.2021)
14. Les Femme en Tunisie, 2000. Tunis: CREDIF, 2002.
15. Gribaa B., Depaoli G. 2014. Gender Profile of Tunisia. https://eeas.europa.eu/archives/delegations/tunisia/documents/page_content/profil_genretunisie2014_ar_longue_fr.pdf (accessed 12.07.2021)
16. Recensement Général de la Population et de l'Habitat 2014. Vol. 9 : Caractéristiques économiques de la population. Tunis: INS, 2017.
17. World Employment and Social Outlook 2021. The role of digital labour platforms in transforming the world of work. ILO, 2021. https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/WCMS_771749/lang--en/index.htm (accessed 10.07.2021)
18. Ворончанина Н.И. Женский вопрос в странах Северной Африки (на примере Алжира и Туниса). *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (Новейшая история, экономика и политика)*. Вып. 3. М.: ИВ РАН, ИИБВ, 1998.
Voronchanina N.I. 1998. Women's issue in North Africa countries. *Arab countries of West Asia and North Africa*. № 3. Moscow. (In Russ.)
19. Ben Romdhane M. 2011. Tunisie: état, économie et société. Ressources politiques, légitimation et régulations sociales. Tunis: Sud Editions.
20. Sraieb N. 1997. Tunisie: La Politique Sociale et Culturelle de 1987 a 1997. *Annuaire de l'Afrique du Nord*, Vol. XXXVI, CNRS Editions, Pp. 47-78.
21. Changing Laws and Breaking Barriers for Women's Economic Empowerment in Egypt, Jordan, Morocco and Tunisia. 2020. OECD/ ILO/ CAWTAR. https://www.ilo.org/africa/information-resources/publications/WCMS_760505/lang--en/index.htm (accessed 01.07.2021)
22. Видясова М.Ф. Джихад без войны. Книга 2. Том 2. М, ИСАА МГУ, 2012.
Vidiasova M.F. 2012. Jihad without war. Part 2, Vol. 2. Moscow. (In Russ.)
23. Ganmy M. 2017. The Decisions of Essebsi in favour of women cause debate in Tunisia. *Alarabiya*. 14.08.2017. <https://alarabiya.net/ar/north-africa/2017/08/14/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%A8%D8%B3%D9%8A-%D9%84%D8%B5%D8%A7%D9%84%D8%AD-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B1%D8%A3%D8%A9-%D8%AA%D8%AB%D9%8A%D8%B1-%D8%AC%D8%AF%D9%84%D8%A7-%D9%81%D9%8A-%D8%AA%D9%88%D9%86%D8%B3> (accessed 03.07.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кашина Анна Анатольевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия.

Anna A. Kashina, PhD (Political Science), Senior Lecturer, Oriental Languages Department, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.07.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 23.01.2022